

Vestnik drevney istorii
79/3 (2019), 823–842
© The Author(s) 2019

Вестник древней истории
79/3 (2019), 823–842
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.31857/S032103910002035-1

ΕΚ ΤΩΝ ΑΓΑΘΑΡΧΙΔΟΥ ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ ΕΚΛΟΓΑΙ

АГАФАРХИД КНИДСКИЙ ОБ ЭРИТРЕЙСКОМ МОРЕ

*Перевод с древнегреческого и латинского
и комментарии М.Д. Бухарина*

ИЗ ПЯТОЙ ИСТОРИИ¹ АГАФАРХИДА ОБ ЭРИТРЕЙСКОМ МОРЕ

21.[Агафархид] говорит, что многие из политиков и из пишущих поэмы затрудняются с тем, как должно описывать чрезвычайные несчастья, выпадающие на некоторых, для находящихся вне опасности. Стиль [описания] не должен быть чрезмерно ярким, если только кто-то не представит причину, сообразную описываемым [событиям]. Александр и Филипп, разграбив два славных города Олинф и Фивы, разрушили их до основания². На многих эллинов напал страх от свершившегося против ожидания и породил большое беспокойство относительно всего, и побудил многих ораторов описать свершившиеся страдания должным образом, так что одни говорили о свершившемся в аллегорической манере и оборотами, как

Mikhail D. Bukharin,

М.Д. Бухарин,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

д.и.н., член-корр. РАН,
г.н.с. ИВИ РАН,
Москва, Россия

E-mail: michabucha@gmail.com

Продолжение. Начало см. *ВДИ*. 2018. 78/2. С. 462–490.

¹ Приступая к пересказу первой части сочинения Агафархида, патриарх Фотий называет ее λόγος, начиная пересказ пятой – ἱστορία.

² Олинф был разрушен Филиппом II в 348 г. до н.э., а Фивы – Александром в 335 г. до н.э.

кажется, высокопарными, другие же — более серьезно, не избегая привычных и точных значений слов [при описании] ужасных событий. Мы приведем тебе примеры обоих видов, чтобы, установив характеры из [их] сравнения, ты смог бы обнаружить по рассмотрении достоинства и недостатки, сказанные о них. Вот Гегесий³, часто упоминающий разрушение городов, негоден. Он, не желая вести диалог сообразно ситуации, стремясь насильно проявить тонкость в материях суровых, достигает в определенной степени собственной награды, не рассуждая о достоинстве предметов разговора: «Мы создали себе имя, покинув город». Вот и подумай. Эффекта это никакого не производит, но сводит все к выразительности и заставляет поломать голову над тем, что он говорит. Ибо там, где кто-либо вкладывает в мысль неопределенность, из речи уходит ясность. Почему? Потому что сказанное ясно привносит и сострадание; если же ясности нет, то исчезает и живость. Затем он говорит еще нечто похожее о Фивах: «Самое громкое место несчастья сделало немым». И еще об Олинфе: «Я изшел из многолюдного города, вернувшись же, больше [его] не увидел». Не удивляешься ли, почему? Сказанное с такой силой уводит нашу мысль от предмета разговора. Ведь вопиющему следует оставить остроты и указать дело, которому свойственно то или иное чувство, если он хочет не речь разукрасить, а проследить причину несчастья. Однако нужно переходить к следующему: «Александр, почти Эпаминонда⁴, увидев остатки города, присоединяясь ко мне в мольбе». Просьба выражена по-детски, и метафора суха, печальная же суть дела не высказана. Другой пример: «Столкнувшись с царским сумасшествием, город стал более жалким, чем трагедия». Кажется, что [фраза] сделана для чего угодно, только не для умелого софиста, так как она совсем не затрагивает сути дела: думаю, что в сложных материях нужно выбирать сложный язык. Еще пример: «Зачем говорить об олинфиянах и фиванцах, которые страдали, погибая, в городах?». Вот другой пример, полный благовидной лести и глупости: «Ты сделал то же самое, Александр, разрушив Фивы, что и Зевс, который выбросил луну из ее части неба: поберегу я солнце для Афин. Ибо эти два города были глазами Эллады. По этой причине буду горевать о Фивах, так как один из этих глаз, город фиванцев, вырезан». Мне кажется, что софист смеется, используя оба [высказывания], а не оплакивает участь городов, и ищет, как быстрее закончить речь, а не как наглядно представить страдание ясностью [изложения]. Другой подобный [пример]: «Соседние города оплакивали город, видя, что прошлое уже не существует». Если бы кто-либо высказал соболезнования фиванцам и олинфиянам во время самого покорения в этих оборотах, то, думаю, они подняли бы автора на смех и сочли бы его положение еще более жалким, чем их собственное. Коснемся другого вида [недостатка], приводя того же софиста: «Ужасно, что земля незасеянная мужей посеянных⁵ породила». Однако не так [говорил] Демосфен, мысль которого этот [софист] обратил к худшему: он пишет: «Ужасно, что Аттика, которая ранее других [земель] породила культурные растения, стала пастбищем для овец». Он же, говоря, что ужасно, что земля незасеянная породила мужей посеянных, обнаруживает противоречие в именах, а не в делах. Поэтому он и обнаруживает крайнюю бесчувственность речи, как и Гермесианакт⁶, который прославлял Афины следующим образом: «Рожденная из Зевеса главы по праву счастья главой обладает». И следующее подобного рода: «Кто ж мог бы сделать дар Кира бессильным?». И еще похожее: «Как место может стать непроходимым, если лежит на проходе?». Все подобное, говорит Агафархид, ничего не стоит. Однако если же он говорит для возбуждения жалости, то почти попал в точку, если же ради высказывания безотносительно вида речи, то не выдерживает критики должным образом. Кроме того, он добавляет и другие [примеры], подобные приведенным, выражая к ним такое же отвращение, например: «В битве против македонян было истреблено более десяти тысяч фиванцев». Что за прекрасная выразительность! Столько народу истреблено против ожидания. И снова: «После того

³ Гегесий Киренский, или Александрийский (ок. 320 — ок. 280 гг. до н.э.) — крупный оратор, ученик сократика Аристиппа Киренского, основателя гедонической школы; его труды считались примером азианического стиля, характеризовавшегося заостренной и жесткой лексикой.

⁴ Эпаминонд (ок. 410—362 гг. до н.э.) — фиванский политический деятель, полководец, ученик пифагорейца Лисида из Тарента.

⁵ Имеются в виду фиванцы, родившиеся от зубов дракона, посеянных Кадмом.

⁶ Гермесианакт (род. ок. 300 г. до н.э.) — поэт, родом из Колофона в Малой Азии, автор элегий.

как город был разрушен до основания, мужи претерпели участь детей, жен переправили в Македонию, город же погребли тем или иным способом». И другой подобный [пример]: «Фаланга македонян, прорвавшись внутрь стен с помощью оружия, уничтожила город». С одной стороны — погребение города, с другой же — смерть: остается лишь добавить вынос трупа и снабдить его эпиграммой, и дело сделано. Говорит, кроме того, что мы слишком долго разбирали утонченность этого [софиста], чтобы в беседе о [его] безумии он не казался слишком желчным. Как на одного из говоривших о схожих сюжетах с ясностью и скромностью, присущей теме разговора, он указывает на Стратокла, [который высказывался] следующим образом: «Вспахана и засеяна столица фиванцев, бившихся с вами против Филиппа». Вместе с тем, говорит [Агафархид], он ясно выразил страдание города и напомнил о дружбе несчастных: страдание, описанное с милостью, обычно вызывает тем большее сожаление. Вместе со Стратоклом он также приводит в пример Эсхиния, говорившего: «Город соседний исчез из середины Эллады». Говорит, что он наилучшим образом метафорой обозначил скорость гибели, показал опасности указания слушателям на страдающего соседа. Но, говорит, Демосфен, переведя тему разговора на Александра, обнаружил это следующим образом: «Он выковырял город из его оснований так, чтобы на очагах не оставался пепел, детей же и женщин вождей Эллады разделил по палаткам варваров». Остро, мудро и сжато убрал из обоих образов преувеличение, однако суть описания ясности не лишена. И снова этот же оратор об Олинфе: «Олинф, Метону и Аполлонию, а также 32 города Фракии, все их он разрушил так, что проходящему нелегко будет сказать, были ли они когда-либо обитаемы». Указав на множество городов, он принялся за исход народа, чтобы, когда он представит парадокс, величайшее сострадание произвело бы наибольшее впечатление на слушающих. Приводя эти и похожие, и прочие [примеры] из других писателей, некоторые он одобряет, а те, что из Гегесия и его последователей, — отвергает.

22. [Агафархид говорит,] что от столицы мемфийцев⁷ до Фиваиды⁸ — пять многолудных номов; первым идет Гераклеопольский⁹, вторым — Кинопольский¹⁰, третьим — Оксиринхский¹¹, четвертым — Гермопольский¹², пятый одни называют «караул», другие — «плот»¹³. В нем с ввозимых сверху [товаров] собирают и уплачивают подать. После названных мест начинается Фиваида — Волчий город¹⁴, затем другой — Афродита¹⁵, за ними — Панов¹⁶, затем — Тинис¹⁷, за ним — Боп¹⁸, за которым город Зевса, который называют Малым¹⁹. За номом, называемым Тентиритским²⁰, — город, который именуется Аполлоновым²¹, выше

⁷ Мемфис — город, расположенный на юге Нижнего (Северного) Египта, предположительно возле совр. Эль-Бадрашейна.

⁸ Область в Верхнем (Южном) Египте с центром в Фивах.

⁹ Имеется в виду XX ном с центром в Гераклеополе, совр. Ихнасья эль-Мадина на левом (западном) берегу Нила.

¹⁰ Имеется в виду XVII ном с центром в Кинополе, расположенном на правом (восточном) берегу Нила.

¹¹ Имеется в виду XIX ном Верхнего Египта, расположенный на левом (западном) берегу Нила.

¹² Имеется в виду XV ном с центром в Гермополе (совр. Эль-Ашмунейн) на левом (западном) берегу Нила.

¹³ Имеется в виду XIV ном с центром в Кусах (совр. Эль-Кусия). В этом месте был расположен понтонный мост.

¹⁴ Ликополь — центр XIII нома (совр. Асьют) на левом (западном) берегу Нила.

¹⁵ Афродитополь — центр X нома на левом (западном) берегу Нила; совр. Ком-Ишкаку.

¹⁶ Панополь — центр IX нома на правом (восточном) берегу Нила; совр. Ахмим.

¹⁷ Тинис — центр VIII нома; в точности расположение — на западном берегу Нила — не установлено.

¹⁸ Город (Вóлос) не отождествлен.

¹⁹ Диосполь Малый — центр VII нома, расположен западнее совр. Кена на западном берегу Нила. Упоминается в «Перипле Эритрейского моря» (6. 2. 26) как центр по производству и экспорту тонкого стекла.

²⁰ Имеется в виду VI ном с центром в Тентире (совр. Дендера) на левом (западном) берегу Нила.

²¹ Аполлонополь Малый — город в V номе, расположен юго-западнее Копта; совр. Кус.

которого лежит Копт²², затем Элефантина²³, затем страна эфиопов, первым (городом которого является) Кортиа²⁴. Вот названы [места] от Мемфиса до Эфиопии.

23а. [Агафархид говорит,] что рядом с Эритрейским морем, в том (месте, где) Нил, совершая отклонения и ответвления, явственно поворачивает туда²⁵ и совершает резкий поворот от изгибов по правую руку, от моря в сторону берега тянется большой залив, так что промежуток между водами — соленой и питьевой — словно покрыт огромной массой слипшейся грязи²⁶. Действительно, вдоль упомянутого моря, рядом [с рекой], лежат некоторые из золотых рудников, заключающих множество металлов; цветом они чрезвычайно черны, однако в них столько выходов мрамора²⁷, что они не имеют соперников в белизне, и ничто не может с ними сравниться.

24а. [Агафархид говорит,] что крайне обездоленных тирания отводит в тяжелейшее рабство [на] золотые рудники, некоторых — страдающих вместе с женами и детьми, других — без них. Описав так, что страдание нельзя уже усилить никакими несчастьями, он указывает на способ добычи золота³⁰.

23b. (Diod. III. 12. 1) В районе самых дальних окраин Египта и соседней Аравии и Эфиопии²⁸ есть место, в котором много металлов и много золота, собираемого с большими страданиями и расходами. Хотя земля черна от природы, так как в ней есть разрезы и жилы мрамора поразительной белизны, превосходящего сиянием все блестящие порождения [природы]. Надзиратели за работами в рудниках добывают золото, используя большое количество работников²⁹.

24b. (Diod. III. 12. 2—3). Ибо цари Египта собирают осужденных за злодеяния и плененных во время войны, а также подпавших под несправедливую клевету и отданных под стражу из-за гневливости, иногда одних, иногда со всей родней, и отдают на добычу золота, чтобы и наказание

²² Копт (Кифт) — важнейший торговый пункт в Нижнем Египте на правом (восточном) берегу Нила в V номе.

²³ Остров на Ниле, относился к I ному, совр. Джазират-Асуан. Расположен практически на широте Сиены. Название острова связано с тем, что с древнейших времен на нем было расположено место торговли изделиями из слоновой кости.

²⁴ Древняя Кортиа расположена на месте совр. деревни Курта (Qurta).

²⁵ Ближе всего Нил подходит к Красному морю именно там, где расположен порт Миос Гормос (Старый Куссейр): Нил поворачивает на северо-восток, а затем возле Наг-Хаммади снова — на северо-запад. Трудно однозначно указать на залив, который имеет в виду Агафархид в рассказе патриарха Фотия. С. Берстейн полагает, что речь идет о заливе, в котором лежит порт Береники (Burstein S.M. *Agatharchides of Knides. On the Erythraean Sea*. London, 1989. P. 59, n. 1), однако на широте Береники Нил проходит довольно далеко от Красного моря. Вероятно, под заливом, который вдается в береговую линию, должен иметься в виду современный Суэцкий залив. Под массой слипшейся грязи имеется в виду Восточная (Аравийская) пустыня.

Описание местности Агафархидом ведется в очень большом масштабе. Вероятно, перед автором лежала карта, на которой Залив героев (Суэцкий залив) начинался на широте Миос Гормос.

²⁶ В издании Д. Вёлка в этом месте перевод фрагмента сочинения Агафархида по рукописи патриарха Фотия обрывается; см. *Woelk D. Agatharchides von Knidos. Über das Rote Meer. Übersetzung und Kommentar*. Bamberg, 1966. S. 18.

Описание областей расположения золотоносных рудников хорошо соответствует карте рудников Восточной пустыни (Вади Хаммамат) Туринского папируса «с дорогой, ведущей к морю» мимо «гор, где добывается золото»; см.: *Harrell J.A., Brown V.M. The oldest surviving topographical map from ancient Egypt (Turin Papyri 1879, 1899 and 1969). Journal of the American Research Center in Egypt*. Vol. 29. P. 81—105.

²⁷ Берстейн настаивает на том, что в данном контексте может иметься в виду не только (и даже не столько) мрамор, сколько кварц.

²⁸ В данном случае под Аравией определенно имеется в виду не Аравийский полуостров или область на нем, а ном в Нижнем Египте на воображаемой границе с Эфиопией. Название «Аравия» кочевало по административной карте Египта, обозначая то ном в Восточной дельте в III в. до н.э., то ном в Нижнем Египте в районе Фив во II в. до н.э., т.е. тогда, когда и жил Агафархид, то снова в Дельте начиная с I в. до н.э. и на юге Египта в III в.

²⁹ Берстейн приводит достаточно обширную библиографию по технологии добычи золота в древнем Египте; см. *Burstein*. *Op. cit.* P. 59, n. 4.

³⁰ Это предложение Берстейн рассматривает как приписку самого Фотия (*Burstein*. *Op. cit.* P. 60, n. 1), Вёлк сохраняет его в тексте своего перевода (*Woelk*. *Op. cit.* S. 18).

наложить на осужденных, и чтобы получить от работающих большой доход. Все же отпавленные [на работы], а количество их огромно, закованы в цепи, они работают постоянно — дни и ночи напролет, не имея никакого отдыха и совершенно лишенные [возможности] бежать: охранники поставлены из солдат-варваров, говорящих на разных языках, так что никому не удастся ни беседой, ни просьбой проявить человеколюбие подкупить кого-то из стражников³¹.

25a. Говорит, что они зажигают с помощью древесины обрывы гор, в которых находят золото и которые по природе очень тверды, и разрыхляют (их) огнем, так они снимают с них пробу, а расколотые же [части] скалы дробят камнеломным инструментом. Руководит же всеми техник, который разбирается в камнях. Где бы он ни указал рудокопам жилы, вся работа насильно распределяется среди несчастных следующим образом: те, кто крепче и помоложе, разбивают белесые участки металлическими кувалдами, однако не столько мастерством удара, сколько силой, и прорежают в скале многочисленные извилистые проходы, в одних местах проходя выше золотоносного камня, в других — ниже, снова отклоняясь влево, иногда кривые и пересекающиеся с близко расположенными корнями деревьев³². Они вырубают породу, прикрепляя на лбы лампы, следуя только белеющей жиле: всячески меняя расположение тел, выбрасывают обломки наружу, не по своим навыкам и силе, но на контроль надзирателя, никогда не медлящего наказать ударом.

26a. Молодые же ребята забираются в проходы, выкопанные этими [работниками], тщательно собирают осколки разбросанных [камней] и выносят из разрезов. От них те, кто постарше, и многие из больных переносят породу: а эти передают (ее) так называемым «резцам». Им менее тридцати лет, и на вид они более мужественны. Взяв

25b. (Diod. III. 12. 4—6³³). Прожигая большим огнем наиболее твердую из золотоносных пород и разрыхляя ее, они переходят к (ее) обработке вручную: раздробленную породу, которая может поддаться умеренным усилиям, множества обездоленных людей разбивают камнеломным инструментом. Всем процессом руководит техник, разбирающийся в камнях и указывающий (на них) работникам. Из предназначенных же на это несчастье отличающиеся телесной крепостью разбивают белесую породу железными кувалдами, но не умением, а прилагая силу, прокапывают проходы, но не прямой линии, а там, где блеснет выход породы. И так как они работают в темноте в изгибах и поворотах траншей, то носят лампы, прикрепленные ко лбам; всячески меняя положение тел, приспособляясь к особенностям породы, они выбрасывают на поверхность разбитую породу: и эту работу они выполняют, непрерывно [испытывая] суровый нрав и удары надзирателя.

26b. (Diod. III. 13. 1—2). Молодые же ребята, пролезая в углубления в породе через разрезы, тщательно откладывают по камешку разбросанную породу и относят ее на открытое место рядом с выходом из разреза. Те, кто старше тридцати лет, забирают у них определенную меру разбитой породы и растирают (ее) в каменных ступах

³¹ Вёлк указал на то, что к данному фрагменту сочинения Агафархида относятся три параграфа из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (III. 12. 2—4), однако свой перевод оборвал на втором (III. 12. 3). См. *Woelk*. Op. cit. S. 18.

³² Здесь Вёлк прекращает перевод по Фотию и переходит к переводу по Диодору Сицилийскому (*Woelk*. Op. cit. S. 19).

³³ Вёлк (*Woelk*. Op. cit. S. 19—20) включает в параллельный перевод только один параграф из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (III. 12. 6). Между тем текст Диодора весьма близок по содержанию выписке патриарха Фотия, и отсутствие двух параграфов в данном контексте выглядит неоправданным.

каменные ступки, они ловко размалывают (их) железным пестиком и, сделав самый большой камешек размером с горошину, в тот же час отсыпают другим [работникам]³⁴. А вот работа женщин, уведенных в плен вместе с мужьями или родителями: один за другим стоят несколько жерновов, в которые они высыпают размолотые камни. Три женщины, у которых лишь срам прикрыт, мелют, встав с каждой стороны каждой ручки: и мелют, пока данная им часть [породы] не будет перемолота в муку. Все они, вытянувшие описанный жребий, считают смерть более вожеленной, чем жизнь.

27а. От [работниц] женского пола так называемые «селанги» получают переработанную [породу]: они являются специалистами, способными удовлетворить нужды царя. Работа их состоит в следующем. Они бросают перемолотую мраморную породу на широкую и отполированную прямым распилом доску, которая установлена не на ровной земле, а с небольшим наклоном. Затем, налив воды, трут [породу] руками, сначала легко, затем сильнее: по этой причине, я думаю, землистая порода растворяется и стекает по склону доски, а тяжелая и пригодная остается на доске нетронутой. Несколько раз смыв [породу] водой, так называемый «селанг» берет мягкие и очень пористые губки, которыми, слегка касаясь мраморной породы и нажимая некоторое время, поднимает и выбрасывает легкие и рыхлые [частицы], застрявшие в узких порах, тяжелые же и блестящие, отсортировав, оставляет на доске, так как они мало подвижны по причине природной тяжести.

28а. Таким образом, этот селанг, тщательно очистив золотой песок, передает (его) плавильщикам, которые принимают

железными пестиками, пока не переработают ее до размера гороха. Женщины и мужчины постарше принимают от них размолотую в горох породу и сбрасывают ее в мельницы, стоящие в ряд, а две или три женщины, стоящие у ручки, перемалывают, пока не перемелют выданную порцию до уровня муки. Так как все они лишены возможности ухода за телом и у них нет одежды, чтобы прикрыть свой срам, нет такого, кто смотрел бы и не жалел бы обездоленных из-за (их) крайних страданий. Ни обессиленный, ни изувеченный, ни слабость старика или женщины не получают ни извинения, ни хотя бы послабления, но все они побоями принуждаемы к постоянной работе, пока из-за плохого обращения не умирают в нужде. По этой причине несчастные, постоянно напуганные грядущим более, чем настоящим, считают наказание чрезмерным и ожидают смерть с большим желанием, чем жизнь.

27b. (Diod. III. 14. 1–2³⁵). Наконец, техники, получив протертый камень, переходят к окончательной доработке. На широкой, слегка наклоненной доске они растирают добытый мрамор, поливая (его) водой. Затем землистая часть породы, растворившись во влаге, стекает по наклону доски, золотосодержащая же остается на доске под (собственной) тяжестью. Поступая так по несколько раз, они растирают сначала слегка руками, после же этого они нежно нажимают губками на рыхлую породу и удерживают ими землистую часть, пока из нее не получится чистый золотой песок.

28b. (Diod. III. 14. 3–4). Наконец, другие специалисты принимают собранную [руду], по объему и весу высыпают в глиняные

³⁴ В этом месте Вёлк (Woelk. Op. cit. S. 19) обрывает фрагмент сочинения Агафархида в песексае патриарха Фотия.

³⁵ В издание Вёлка этот фрагмент не входит.

собрannую [рудy] и высыпaют ee по объeмy и весу в глиняный сосуд, смешивaют по установленной пропорции с комком свинца и зернышками соли, [добавляю] немного олова и ячменные отруби, а затем кладут хорошо подходящую крышку³⁶ и, натерев со всех сторон, плавят в печи, не прерываясь, пять дней и такое же количество ночей. На следующий день, слегка охладив прокаленную [массу], выливают (ее) в сосуд, не обнаруживая ничего из добавок, одну лишь массу золота, слегка потерявшую в весе из-за [удаления] шлака.

29a. И вот, гибель в рудниках многих невольников подводит рассказ к указанному завершению: как сама природа в целом указывает, что происхождение золота в итоге сопряжено с тяжким трудом, охрана — ненадежна, а привязанность к нему огромна, использование же лежит посредине между удовольствием и скорбью, а способ добычи определенным образом — очень древний. Природа рудников была открыта первыми царями (этого) места; затем секрет был утерян, когда множество эфиопов, которые, как говорят, соорудив памятники Мемнону, вторглись в Египет и долгие годы стояли в городах, затем при правивших мидийцах и персах. И еще в наши дни в золотоносных рудниках находят использованные ими бронзовые долота, так как в то время использование железа не было известно, кости же человеческие в невероятном количестве, скорее всего, из-за обвалов в рыхлых и неустойчивых разрезах: столь велико количество подземных ходов, (которые) на наиболее обрывистых глубоких уровнях достигают моря.

30a. [Агафархид говорит,] что возле южного изгиба Египта обитает четыре крупных племени: живущее рядом с реками, которое сеет сезам и пшеницу, живущее возле озер и собирающее тростник и свежие побеги, кочующее где попало и живущее за счет мяса и молока, а также стремящееся жить за счет ловли рыбы в прибрежных регионах³⁷.

горшки. Смешав же по установленной пропорции с куском свинца и щепотками соли, еще добавляют немного олова и ячменных отрубей, накрывают хорошо прилаженной крышкой и, со всех сторон тщательно обмазав грязью, обжигают в печи в течение пяти дней и такого же количества ночей без прерыва. Затем дают остыть и не находят в горшках ничего другого, но получают чистое золото, лишь слегка потерявшее в весе.

29b. (Diod. III. 14. 4—5). Добыча же золота на окраинах Египта совершается столь многими и столь тяжкими трудами. Я полагаю, что сама природа ясно указывает, что природа золота связана с большими трудами, охрана — тяжела, привязанность к нему огромна, а использование лежит посредине между удовольствием и скорбью. Открытие же этих рудников имело место в глубочайшей древности, так как оно было совершенно древними царями.

30b. (Diod. III. IV. 6). Постараемся рассказать о народах, населяющих прибрежную часть Аравийского залива и Троглодитскую область, а также (обращенную) к южному солнцу и южному ветру Эфиопию.

³⁶ Как и в иных случаях, Вёлк (Woelk. Op. cit. S. 22) в тех местах, где пересказ сочинения Агафархида Диодором Сицилийским становится чуть более подробным (Диодор говорит о том, что горшок натирают грязью, а Фотий говорит, что горшок просто натирают, без уточнения чем), прекращает перевод по тексту Фотия и переводит дальше только по Диодору.

³⁷ Вёлк переводит указание на четвертое племя следующим образом: „der vierte dagegen geht von der Küste des Meeres aus und beschäftigt sich mit Fischfang“ (Woelk. Op. cit. S. 23). Следуя переводу Вёлка, получается, что это племя уходит от берега моря, но тем не менее живет рыболовством. Очевидно, что глагол *ῥιμάω* в данном контексте имеет значение, не связанное с движением.

31a. Вот у этого-то племени нет ни городов, ни стран, ни образца какой-либо искусной постройки, но, как некоторые говорят, оно больше остальных: ихтиофаги живут повсюду от аутеев, населяющих крайние области залива, который, как считается, соединяется с Великим морем, до Индии и Гедросии, еще до Кармании и (страны) персов и островов, примыкающих к вышеназванным народам. Они — наги, и женщины их не носят одежду, детей же производят сообща, у них при родно е знание наслаждения и страдания, однако нет ни малейшего представления о постыдном и прекрасном.

32a. Прибрежные глубины, а равно и прилегающие длинные берега им совершенно не подходят для жизни: с этого берега нельзя ни рыбу ловить в достаточном количестве, ни иных подобных существ. Жилища всех вышеназванных (народов) лежат среди прибрежных скал с глубокими ущельями, неровными обрывами, узкими проходами и кривыми поворотами. В подходящих для (их) нужд (местах) они ставят необработанные камни в ущельях, как если бы (они хотели сделать) какие-то узкие [проходы]. И вот, когда прилив нахлынет на берег (что случается дважды каждый день — в девятый и в третий час), море покрывает прибрежные скалы, принося насильно из моря на берег немало рыбы, которая некоторое время остается у берега, блуждая в поисках пропитания по расщелинам. Когда же море отступит во время отлива, вода стекает через камни и обрывы в теснины, рыба же, остающаяся в углублениях, становится легкой добычей и пропитанием для ихтиофагов.

32c. (Strabo. XVI. 4. 13). Ихтиофаги собирают рыбу во время отливов.

33a. Ну, а прочую рыбу, как мы говорили, можно с легкостью выловить: когда же попадаются (рыбы-)собаки, большие тюлени, скорпионы и мурены и прочие существа подобного рода, лов рыбы становится опасным.

31b. (Diod. III. 15. 1). Сначала мы будем говорить об ихтиофагах, населяющих береговую линию от Кармании и Гедросии до наиболее удаленных областей впадины, идущей вдоль Аравийского залива, который, уходя вглубь материка на невероятное расстояние, ограничен у своего устья двумя берегами: с одной стороны, Счастливой Аравией, с другой — Троглодитской областью. Некоторые из этих варваров живут совершенно голыми, имея женщин и детей сообща, почти как стада животных, обладая лишь природным представлением об удовольствии и страдании, а о постыдном и прекрасном они вообще не имеют понятия.

32b. (Diod. III. 15. 3—4). Жилища же их (расположены) недалеко от моря у прибрежных скал, в которых есть не только глубокие ущелья, но и неровные обрывы, очень узкие проходы, разделенные природой кривыми поворотами. Так как природа их породила в соответствии с нуждой местных жителей, то [последние] заваливают повороты и проходы огромными камнями, через которые, словно в запрудах, ловят рыбу. Когда бы морской прилив ни нахлынул порывисто на берег, что происходит дважды в день, обычно в третий и в девятый час, море покрывает все скалы, а обильные порывистые волны выбрасывают на берег невероятное множество всяческой рыбы, которая сначала остается возле берега, блуждая в поисках пропитания по расщелинам и углублениям; когда же наступит время отлива, вода понемногу отходит оттуда через нагромождения камней и обрывы, рыба же остается в углублениях.

33b. (Diod. III. 15. 5—7). И в этот момент множество местных жителей с детьми и женами собирается на скалах, словно по единой команде. Когда варвары разделятся на отдельные группы, они несутся с невероятным криком на определенные каждой группе места, как будто они наткнулись на неожиданную добычу. Затем женщины с детьми хватают рыбу размером поменьше и (плавающую) поближе к берегу и выбрасывают на

сушу, [мужчины] же телом покрепче руками выносят ту рыбу, которую из-за большого размера трудно выловить; морские глубины выносят существ огромного размера — не только скорпионов, и мурен, и (рыбу-)собаку, но и тюленей, и многих других, странных как по внешнему виду, так и по названиям; эти существа они добывают, не готовя никаких специальных приспособлений, прокалывая (их) острыми козьими рогами и разрубая острыми камнями; ведь нужда всему учит природу, приспособляемую в соответствии с имеющимися обстоятельствами к полезному началу, (происходящему) от надежды.

34a. Сколько бы они ни поймали, перенеся на раскаленные скалы, обращенные на юг, разбрасывают на них; затем, оставив ненадолго, всю [рыбу] переворачивают. Затем берут за хвост и трясут всю тушку; вся мясистая часть, размягченная упомянутой жарой, спадает; хребты же они собирают, их огромные кучи видны и из дальних мест. Перенеся рыбе мясо на гладкий камень, довольно долго усердно топчут и перемешивают (его) с плодами терновника. После того, как их перемешали, вся [масса] становится очень клейкой, кажется, она используется в качестве приправы или наполнителя. Когда же они достаточное время помнут (ее) ногами, делают (из нее) вытянутые кирпичики и снова выставляют на солнце. Когда же они затвердеют, все рассыживаются и пируют, не обращая внимания на объем и вес [съеденного], но руководствуясь собственным желанием и наслаждением.

34b (Diod. III. 16. 1–3). Когда же соберут они множество всякой рыбы, уносят все собранное и жарят на южных склонах скал. Так как они раскалены из-за чрезвычайной жары, то, оставив на непродолжительное время, переворачивают, затем берут за хвост и трясут всю тушку. Мясистые части, размягченные жарой, отпадают, хребты же они складывают в одно место и устраивают большую кучу; они их складывают по причине, о которой мы поговорим чуть позже. После этого они, разложив рыбе мясо на гладких камнях, тщательно топчут (его) и перемешивают с плодами терновника; когда они перемешаются, вся масса становится клейкой; кажется, они используют ее вместо приправы. В конце концов, после того как они хорошо ее протопчут, они делают продолговатые кирпичики и выставляют (их) на солнце; хорошенько их высушив, рассыживаются и пируют, не обращая внимания на вес и объем съеденного, но руководствуясь собственным желанием: природный аппетит ограничивает количество съедаемого. Они пользуются неоскудеваемыми ресурсами, которые всегда у них под рукой, как если бы Посейдон перенял дело Деметры.

34c. (Strabo. XVI. 4. 13). [Ихтиофаги] бросают [рыбу] на камни и поджаривают на солнце; прожарив рыбу, кости собирают в кучи, а мясистые части топчут ногами и готовят лепешки; потом снова жарят их на солнце и употребляют в пищу³⁸.

³⁸ Перевод с изменениями цит. по: *Страбон. География*. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1994. С. 715.

35а. [Агафархид говорит,] что против нежданных штормов, которые не дают им ловить рыбу, они придумывают вот что: они бродят по всему побережью и собирают ракушки (встречаются же такие большие, что их размер не видевшим их покажется совершенно невероятным), сырое мясо которых восполняет им в это время недостаток [рыбы]. Пока у них сохраняется недостаток рыбьего мяса, они собирают упомянутые ракушки и кормят их свежей морской травой и головами мелких рыбешек, помещая в заводи: пока им не хватает [рыбы], они пользуются ими, как говорят, для прокорма.

34с–35с. (Strabo. XVI. 4. 13). В бурную погоду, когда невозможно собирать рыбу, они толкут сваленные в кучи кости, делают из них лепешки и поедают. Свежие кости они обсасывают. Некоторые едят раковины, содержащие мясо: они помещают раковины в овраги или в лужи с морской водой; затем бросают туда в пищу им мелкую рыбку и при нехватке рыбы употребляют (их) в пищу. Есть у них и всевозможные садки для рыб, из которых они экономно черпают запасы³⁹.

36а. Если же у них кончатся оба (вида) пропитания, из всей кучи хребтов они выбирают те, что посочнее и посвежее, разбирают (их) по суставам, а затем, одни разбивая об каменные места, другие размятывая зубами, ведут себя так же, как звери в норах.

37а. Питьем же пользуются совершенно удивительным образом. Четыре дня они предаются улову, нечленораздельным песням и отношениям с женщинами ради забавы, ничем не отвлекаемые ввиду легкодоступности пропитания. Когда же наступает пятый день, устремляются в предгорья на поиски питья в места сбора кочевников, в которые они приводят свои стада на водопой.

34b–35b. (Diod. III. 16. 4–6). Иногда из моря на сушу неистово накатывает такая волна и накрывает на несколько дней скалы, что никто не может приблизиться к тем местам. По этой причине в это время они, испытывая недостаток в еде, сначала собирают ракушки такого размера, что находились некоторые из них весом в четыре мины. Бросая огромные камни, они разбивают раковины, мясо же внутри поедают сырым, на вкус оно напоминает устриц. Если же из-за постоянных ветров океан не убывает в течение длительного времени и невозможность (справиться) с окружающими обстоятельствами мешает (им) вести привычный лов рыбы, они обращаются, как уже говорилось, к моллюскам.

36b. (Diod. III. 16. 7). Если же пропитания от моллюсков не хватает, они бегут к куче хребтов: выбрав из нее хребты посочнее и посвежее, разбирают (их) по суставам и одни тут же разжевывают зубами, другие, пожестче, размятывают камнями и поедают, предварительно подготовленными; их образ жизни напоминает (жизнь) зверей в норах.

37b. (Diod. III. 17. 1–2). Итак, сухую пищу они добывают описанным выше способом, потребление ими жидкой пищи удивительно и совершенно невероятно. Четыре дня они заняты уловом⁴⁰, весело пируют всем племенем, развлекая друг друга нечленораздельными песнями; к тому же совокупляются с женщинами, с какими придется, ради рождения детей⁴¹, не имея никак их затруднений ввиду легкодо-

³⁹ Перевод с изменениями цит. по: Страбон. С. 715.

⁴⁰ В обеих параллельных версиях текста Агафархида в данном случае используется одно и то же понятие: *πρὸς ταῖς θήραις* (Фотий), *ταῖς μὲν γὰρ θήραις* (Диодор). Берштейн необъяснимым образом переводит их по-разному: *hunting* и *fishing* (Burstein. Op. cit. P. 75). Речь в обоих источниках идет об одном и том же: охоте на рыбу, т.е. рыбной ловле; ср. „Fischfang“ (Woelk. Op. cit. S. 27). Текст, однако, не поясняет детально объект охоты, он устанавливается из контекста. Возможно, еще более точен перевод Ч. Олдфазера: „sea-food they have caught“ (Diodorus of Sicily. In twelve volumes. Vol. II. Books II, 35 – IV, 58. Ed. by Ch.H. Oldfather, Ch.L. Sherman. Cambridge (Mass.)–London, 1967. P. 129), – т.е. речь идет не о самой охоте, а о добыче, т.е. об улове, который ихтиофаги поедают во время пиров, когда собственно сбор рыбы и моллюсков закончен.

⁴¹ В тексте Фотия значится *ταῖς παιδικῶν χάριν* (Photius, Bibliothèque. Vol. VII. Codices 246–256. Texte établi et traduit par René Henry. Paris, 1974. P. 159; далее – Henry); в тексте Диодора – *παιδοποίας ἕνεκα* (Diodorus of Sicily. P. 128). Возможно, расхождение (выпадение элемента -οποι-) обозначилось в процессе копирования рукописей. Текст Фотия выглядит, однако, более логичным: веселые пиры едва ли устраиваются ради продолжения рода.

тупности и наличию пропитания. На пятый же день всем племенем устремляются в предгорья на поиски питья, где есть источники пресной воды, куда кочевники приводят стада скота на водопой.

37с. (Strabo. XVI. 4. 13). Некоторые жители безводного побережья каждые пять дней с пением пеанов отправляются внутрь страны всей семьей к водоемам⁴².

38а. Переход совершается вечером. Прибыв же на водопой кочевников, они встают вокруг источника, опираясь руками на землю и встав на колени, пьют, как животные, однако не одним резким глотком, а часто останавливаясь. Наполнив животы водой, словно сосуды, они с трудом возвращаются к морю.

38b. (Diod. III. 17. 3—4). Их путешествие напоминает [переход] стад скота, так как все они издают не членораздельные звуки, а один только шум. Что же до детей, то младенцев матери все время несут на руках; отлученных от молока — отцы; те же, кто старше пяти лет, идут вместе с родителями, предаваясь играм, полные радости, как если бы они отправлялись за самыми заветными удовольствиями. Ибо их природа не извращена и полагает удовлетворение нужды высшим благом и не ищет никаких чужих удовольствий. Когда же они достигают мест водопоя кочевников и наполняют питьем животы, то возвращаются, едва передвигаясь из-за тяжести [выпитого].

38с. (Strabo. XVI. 4. 13). ...там они бросаются навзничь и пьют воду, как быки, пока животы у них не вздуются барабанами; затем они снова возвращаются к морю⁴³.

39а. По возвращении никто не ест в тот же день ни рыбы, ни чего-либо другого; все лежат с раздутыми животами, едва переводя дыхание; в отягощении они подобны по поведению пьяным. Начиная со следующего дня они возвращаются к описанному (выше) образу жизни. И вся (их) жизнь следует этому циклу, не зная препятствий и волнений о каких-либо их делах. Из-за простоты образа жизни они редко болеют, однако настолько меньше лет живут, насколько их образ жизни беззаботнее, чем у других людей.

39b. (Diod. III. 17. 5). И в тот же день никто не ест, все лежат с раздутыми животами, едва переводя дыхание и вообще напоминая пьяного. На следующий же день они с нова возвращаются к поеданию рыбы. И таким вот образом жизнь у них идет по кругу все время жизни. Так живут обитатели побережья внутри пролива; благодаря простоте пропитания они редко болеют, однако живут значительно меньше, чем у нас.

40а. Ихтиофаги же, обитающие внутри пролива, живут таким вот образом; у тех же, которые занимают побережье вне [пролива], не переводится такой же улов, а в жидкой пище они вообще не нуждаются. Они приносят такую свежую рыбу, что она едва отличается от сырой, так что они не только

40b. (Diod. III. 18. 1—2). Общеизвестно, что жизнь обитателей побережья⁴⁴ вне пролива еще более удивительна, чем у них, так как от природы они не чувствуют ни жажды, ни боли. Так как судьба загнала их из обитаемых мест в пустыню, они процветают благодаря лову рыбы, жидкой пищи они не

⁴² Перевод цит. по: Страбон. С. 715.

⁴³ Перевод цит. по: Страбон. С. 715.

⁴⁴ В тексте Диодора Сицилийского значится бессмысленное *καράλιον* (Diodorus of Sicily. P. 130); очевидно, это ошибка, правильно *παράλιον* («приморский»).

не ищут питье, но и вообще не имеют представления о чем-либо в этом роде; они выносят беспечно то, что Судьба им уготовила от начала.

ищут вовсе. Они приносят такую свежую рыбу, что она едва отличается от сырой, так что они не только не ищут питье, но и вообще не имеют представления о питье. Они довольствуются образом жизни, уготованным им Судьбой от начала, считая блаженством отсутствие самой печали, происходящей от нужды.

40c. (Aelian. *NA*. XVI. 27⁴⁵). Агафархид говорит, что в Ливии есть род каких-то людей и что называются они псиллы. Касательно прочего образа жизни нет между ними и остальными людьми никакого различия, разве что их тело обладает странным и удивительным свойством, противоположным (свойствам тел людей) из других племен. Их кусают и бьют всяческие животные, но только им одним они не причиняют никакого вреда. Они не чувствуют ни укуса змеи, ни укула паука, смертельного для других, ни напора жала скорпиона. Когда же одно из этих существ приблизится, дотронется до тела и вместе с тем вдохнет их запах, словно наслаждаясь лекарством, снотворным и обезболивающим, они совершенно расслабляются, размятчаются, пока человек не пройдет мимо. Таким же образом проверяют собственное потомство — родное оно или подложное: его испытывают среди рептилий, как ремесленники испытывают золото в огне, о чем я говорил ранее⁴⁶.

40d. (Plin. *NH*. VII. 14). То же самое имело место с племенем псиллов в Африке, как пишет Агафархид. Их называют (по имени) царя Псилла — одного из их царей, могила которого расположена в Большом Сирте. В их теле врожденно был некий вид яда, смертельный для змей, и запах которого опьянял их. У них же был обычай выставлять детей сразу после рождения самым ядовитым змеям и проверять, таким образом, верность их жен. Если змеи не уползали, то это потомство считалось подложным. Этот народ почти полностью уничтожен насамонами, которые заняли их земли.

41a. [Агафархид говорит,] добавляя к уже сказанному, что в упомянутых местах нет ни малейшего сходства с тем, что у нас считается величайшим злом. У них не бегут от поднятого меча, не раздражаются на оскорбляющего, незнающий страданий не ссорится со страдающим. Если же у них что-то подобное произойдет с иноплеменником, они пристально взирают на происходящее и часто кивают головой, не выражая ни малейших чувств, свойственных людям в общении. «По этой причине, — говорит писатель, — я полагаю, что у них нет хорошо известных свойств, обычаем же и знаками, звуками и подражанием управляют всем, что относится к жизни».

41b. (Diod. III. 18. 3–6). Самое же удивительное из всего состоит в том, что они настолько превосходят всех нечувствительностью, что нелегко поверить в (этот) рассказ. Однако же многие торговцы, плывущие из Египта по Эритрейскому морю до настоящего времени, часто проходя мимо страны ихтиофагов, передают согласующееся с рассказанным нами о нечувствительных людях. И третий Птолемей⁴⁷, страстно любивший охоту на слонов, водившихся в этих местах, отправил одного из своих друзей по имени Симмий для обзора страны. Отправленный с должным снаряжением, он, как говорит историограф Агафархид книдиец, тщательно исследовал народы, (живущие) вдоль побережья. Он говорит, что народ нечувствительных эфиопов совершенно не пользуется питьем и что природа их не нуждается в питье по причинам, описанным выше.

⁴⁵ Расположение данного фрагмента именно здесь связано с тем, что в нем развивается тема нечувствительности к боли, начатая в параграфе 40b.

⁴⁶ Последнюю фразу можно рассматривать как отсылку к описанию золотоплавильного производства в Египте (§ 28 a–b).

⁴⁷ Птолемей III Эвергет (246–222 гг. до н.э.) — третий представитель династии Лагидов на египетском троне.

И вообще, оказывается, они не сообщаются с иноплемениками, а чужеродная внешность проплывающих мимо не производит какого-либо влияния на местных жителей, но, пристально взирая, они остаются невозмутимыми; чувства их неподвижны, как будто рядом и нет никого. И от взмаха чьего-либо вынутого меча они не бегут, не раздражаются ни на гнев, ни на удары, большая же часть не раздражается на тех, кто стал жертвой такого обращения; если же кому-то из женщин или детей перережут горло у них на глазах, то остаются безучастны к происходящему, не выражая никакого гнева и, наоборот, (проявляя) милость. И вообще столкнувшись с самыми устрашающими проявлениями зла, они остаются спокойны, пристально взирая на происходящее; при этом каждый кивает головой. По этой причине и говорят, что они не пользуются речью, указывая жестами рук на все, что относится к их нуждам.

42a. Говорит о живущих рядом с ихтиофагами, не испытывающими жажды, так, словно бы между ними и тюленями был заключен нерушимый договор: ни они вреда тюленям не наносят, ни от тюленей вреда не испытывают; не покушаясь на добычу друг друга, каждый из них уступает добывшему ее; они так уживаются друг с другом, как редко случается среди людей, живущих друг с другом.

42b. (Diod. III. 18. 7). Самое же удивительное из всего [состоит в следующем]: тюлени, живущие вместе с этим родом, ловят рыбу почти так же, как люди. Оба этих рода в отношении к брачному ложу и безопасности потомства относятся друг к другу с величайшим доверием; общение же с животными иных видов происходит без обид, в мире и полной предупредительности.

43a. Говорит, что из ихтиофагов одни пользуются в качестве жилища пещерами, обращенными не на юг из-за жары, но в противоположную сторону, другие же живут под рыбьими ребрами, на которые набрасывают морскую траву, иные же, связав верхушки оливковых деревьев, пользуются затем (ими) в качестве жилищ. Говорит, что это оливковое дерево приносит плод, похожий на каштановый орех.

43b. (Diod. III. 19. 1–4). Эти народы пользуются неодинаковыми жилищами, живут же, приспособляясь к особенностям окружающего мира. Некоторые живут в пещерах, обращенных, по большей части, на север, в которых они прохлаждаются благодаря глубине тени и ветрам, дующим вокруг; температура же в обращенных на юг близка (к температуре) печей, из-за чрезвычайной жары они неприступны для людей. Те же, которым не досталось пещер, обращенных на север, собирают ребра морских чудовищ, выброшенных из моря. Так как их очень много, они связывают их выпуклые части с каждой стороны, наклоня друг к другу, и оплетают их со всех сторон свежей травой. И вот, когда своды покрыты, они пережидают в них крайнюю жару. Таким образом, необходимость через природу подводит к навыкам, которые они осваивают самостоятельно. Третий же

вид жилища у ихтиофагов таков: в этих местах растет очень много оливковых деревьев, корни которых омываются морем, с густой листвой, а плод их похож на каштановый орех. Они и связывают (их) друг с другом, устраивают густую тень и живут в этих своеобразных жилищах. В то же время они проводят жизнь с удовольствием на суше и на море: они избегают солнце днем в тени от ветвей, смягчают природную жару в этих местах силой волн, веянием же благотворных ветров дают отдых своим телам.

43с. (Strabo. XVI. 4. 13). Живут они в пещерах или хижинах, покрытых балками и стропилами из китовых и рыбьих костей или ветвями маслины⁴⁸.

44а. У четвертого же рода ихтиофагов жилища таковы. Огромная куча водорослей⁴⁹, похожая на гору, накапливается от начала времен, и вся она от постоянного прибоя становится твердой, так что, имея однородный объем и одну природу благодаря смешиванию и соединению с песком, она никогда не рассыпается. Затем они выкапывают для себя подземные галереи высотой в человеческий рост, оставляя верхнюю часть пустой⁵⁰, укрепляют и защищают (их) благодаря указанным кучам; снизу же они устраивают длинные проходы, повсюду соединяющиеся друг с другом, в которых проделывают отверстия для ветра и спокойно живут. Когда же наступает прилив, собираются, как уже ранее говорилось, за добычей.

44b. (Diod. III. 19. 4–5). Нужно нам сказать и о четвертом виде жилищ. От начала времен накапливается огромная куча водорослей, напоминающая гору; от постоянных ударов волн она становится твердой и перемешанной с песком. В них они устраивают галереи высотой в человеческий рост, оставляя наверху место для устройства крыши, внизу же прокапывают длинные проходы, пересекающиеся друг с другом. В них они прохлаждаются и освобождаются от всех забот; во время же подъема волн выскакивают и занимаются ловлей рыбы. Когда же случится отлив, поедают добычу, снова сбегаая в упомянутые галереи.

44с. (Strabo. XVI. 4. 14). Море выбрасывает здесь много водорослей, которые образуют высокие кучи, похожие на холмы; некоторые жители подкапывают эти кучи и живут там⁵¹.

⁴⁸ Перевод цит. по: *Страбон*. С. 715.

⁴⁹ Μνίου; в переводе Анри — «песка» (sable: *Henry*. Op. cit. P. 161).

⁵⁰ Переводы Анри и Берстейна представляются не вполне точными. Оба исходят из того, что ихтиофаги оставляют верхнюю часть прохода нетронутой, т.е. копают закрытый тоннель: «en laissant intacte la masse à son sommet» (*Henry*. Op. cit. P. 161), “the section at the top... they leave undisturbed” (*Burstein*. Op. cit. P. 83). Крышу же, по мысли Анри, ихтиофаги формируют из накоплений песка («tassement du sable»); в переводе Берстейна способ изготовления крыши вообще не указан.

Оборот δῦκον ἔδυντες, как представляется, говорит о другом. Основное значение δῦκος — «объем» (δῦκός — «делать объемным»). Вероятно, ихтиофаги, напротив, полностью прокапывали проход в верхней его части, делая его по форме сводчатым, т.е. между кучей травы и описываемым проходом оставалось свободное пространство. Крышами им служили те самые кучи, о которых Агафархид говорит в начале параграфа, однако не песка, по мысли Анри, а сами кучи, в целом состоящие из водорослей и песка. Таким образом, ихтиофаги строили не закрытые тоннели, а соединяющиеся проходы под единым перекрытием, т.е. под прибрежной кучей.

⁵¹ Перевод цит. по: *Страбон*. С. 715.

45a. Умершим же у них не оказываются никакие почести, их разум, как и следовало ожидать⁵², равнодушен к милости; по этой причине их оставляют лежать там, где их выбросили, пока наступающий отлив не унесет их на корм рыбам.

45c. (Strabo. XVI. 4. 14). Покойников они выбрасывают на съедение рыбам; трупы подхватывают и уносят морские приливы⁵³.

46a. [Агафархид] говорит, что у некоторых, живущих морем, вместе с другими есть еще и другое, еще более удивительное [свойство], с трудом поддающееся осмыслению. Неизвестно, ни откуда они пришли в место, в котором живут, ни каким образом, так как над ним нависает гладкая скала⁵⁴. С одной стороны подходы отрезают обрывы, с противоположной она совершенно отгорожена⁵⁵, так что и пешком, как я сказал, подойти совершенно невозможно; равно и на лодках подойти нельзя из-за недостатка равных тем, (что имеются) у нас. При таких обстоятельствах остается сказать, что они автохтонны, не обладают памятью о первородстве, всегда существуют таким образом, как определяяют некоторые из названных природоведов.

45b. (Diod. III. 19. 6). Умерших же погребают, выбрасывая их во время отлива; когда же наступит прилив, бросают тела в море. По этой причине собственное погребение состоит в скормливании рыбам, и жизнь своеобразно их идет во все века по кругу.

46b. (Diod. III. 20. 1–3). У одного же вида ихтиофагов жилища таковы, что вызывают полнейшее недоумение у любителей исследовать такие явления: некоторые из них живут среди обрывистых ущелий, подойти к которым с самого начала людям было тяжело; сверху нависает высокая скала, со всех сторон совершенно обрывистая, по бокам же неприступные обрывы отрезают подходы, оставшуюся сторону ограничивает море, так что и пешком не подойти, лодками же они совершенно не пользуются, о кораблях, которые есть у нас, они не имеют никакого понятия. Так как в их отношении присутствует такое затруднение, остается заключить, что они автохтонны и совершенно не помнят своего первородства, существуя от начала времен, как заявляли некоторые природоведы обо всех явлениях природы. Однако, так как это знание для нас недостижимо, ничто не мешает говорящим более всех знать менее всего, как если бы правдоподобие на словах убеждало бы слух, а правда все равно не открывалась бы.

⁵² В оригинале ἐκ δόξης. Переводы «née de l'opinion» (Henry. Op. cit. P. 161), “which arise from opinion” (Burstein. Op. cit. P. 83) представляются в данном контексте вполне бессмысленными, механически дословными, не открывающими суть высказывания Агафархида. Определенно он желал сказать, что ихтиофаги, особенно в контексте сказанного выше об их нечувствительности к оскорблениям и угрозам (§ 41), равнодушны к смерти, что выделяет их в роде человеческом как достойных описания существ.

⁵³ Перевод цит. по: Страбон. С. 715.

⁵⁴ Перевод оборота ἄνωθεν ἐπεξευγμένης в издании Берштейна не отличается ясностью: hemmed from above (Burstein. Op. cit. P. 84). Перевод этого словосочетания Анри более удачен (domine), однако вместо ἄνωθεν он и, как представляется, ошибочно связывает с ἐπεξευγμένης другое словосочетание ἐκ πλαγίου, относящееся к следующей части предложения. По этой причине в интерпретации Анри скала доминирует «с боков»: «sur les flancs» (Henry. Op. cit. P. 162). В издании Вёлка это место опущено, оно занято переводом параллельного текста «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского.

⁵⁵ В издании Мюллера (Geographi Graeci Minores. Vol. I. Parisiis, 1855. P. 111–195; далее — GGM I) указано (P. 138) [ἐκ πελάγους], эта вставка, определенно, сделана, так как это словосочетание присутствует в параллельном тексте «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского. По этой причине Берштейн переводит “the sea bounds the whole region from the other side” (Burstein. Op. cit. P. 84). Приблизительно также переводит и Анри: «la mer les sépare...» (Henry. Op. cit. P. 162). Между тем [ἐκ πελάγους] в издании Анри отсутствует. Как представляется, во фразе «τὴν δὲ ἀπέναντι πᾶσαν ὀρίζοντος» πᾶσαν относится к πέτρα (μισθὴς μὲν πέτρας ἄνωθεν ἐπεξευγμένης). Получается следующая картина: над местом, в котором живут ихтиофаги, нависает скала, одна сторона которой обрывиста, но и с противоположной стороны вся скала отгорожена от идущих со стороны материка, судя по тексту Диодора, морем.

47a. [Агафархид] говорит, что по ту сторону пролива, соединяющего Аравию и землю напротив, лежат отдельные острова, все — низинные, небольшие по величине, неисчислимые количеством, не приносящие никаких плодов, (пригодных) для жизни, ни культурных, ни дикорастущих, отстоящие от упомянутого берега на 70 стадиев и обращенные к морю, которое, как полагают, тянется к Индии и Гедросии. Волн там нет, однако каждый остров, защищенный другим, принимает на свои выступы удары волн; полагают, что на них наилучший из климатов. Их населяют люди умеренной численности, ведущие следующий образ жизни. В окружающем море, очень суровом и бурном, встречается невероятное количество черепах, которых мы, судя по их размерам, ширине и величине, называем морскими. По ночам они обитают на глубине, днем же спят на солнце, обретая тишину и покой на островах, похожие на снаряженные⁵⁶ корабли. В этот момент местные жители, благодаря навыкам и проворности, а также с помощью веревок, выбрасывают их на сушу, все внутренности поедают, слегка обжаривая на солнце, панцирями же пользуются для (устройства) жилищ, как если бы на высоких склонах ставили шатры выпуклой частью вверх; пользуются ими и для плавания, и для доставки воды, так что черепаха — и корабль, и дом, и сосуд, и пища для упомянутых людей.

47b. (Diod. III. 21. 1—5). Нам нужно говорить о так называемых хеленофагах и о сути всего их образа жизни. Вдоль океана недалеко от земли лежат многочисленные острова, небольшие по размерам и низменные, не приносящие ни дикорастущих плодов, ни культурных. Из-за густоты [расположения] волна (там) не рождается, так как прибой разбивается о выступающие части островов; в этих местах обитает множество морских черепах, отовсюду стекающихся в поисках убежища и покоя. По ночам они обитают в глубине, занятые поиском пропитания, днем же заходят в море между островами и спят, обратив панцири к солнцу, похожие внешним видом на перевернутые легкие корабли. Они чрезвычайно велики по размерам и не менее самых маленьких рыбацких лодок. Варвары же, населяющие острова, в этот момент спокойно подплывают к черепахам; подобравшись с обеих сторон, они тянут изо всех сил вниз, другие приподнимают, пока животное не опрокинется на спину. Затем с обеих сторон они направляют всю тушу, следя, чтобы она не перевернулась и не уплыла на глубину, ища защиты у природы; один же, взяв большую веревку и привязав ее к хвосту, плывет к земле и вытягивает животное на сушу вместе с теми, кто первым напал на него. Когда же они вытаскивают [черепаху] на остров, все внутренние части съедают, слегка поджарив их на солнце; панцирями же, напоминающими по форме лодку, они пользуются для плавания на материк, что они и делают для доставки воды и устройства жилищ, устанавливая их выпуклой частью вверх на возвышенных местах, так что можно подумать, что природа одним милостивым шагом даровала им многое необходимое, ибо черепаха для них и пища, и сосуд, и жилище, и корабль.

47c. (Strabo. XVI. 4. 14). Хеленофаги живут под крышами из черепаших панцирей столь большой величины, что они даже плавают в них, как в лодках⁵⁷.

48a. [Агафархид говорит,] что на небольшом расстоянии от упомянутого рода живут немногие числом следующим образом. Они кормятся выбрасывающимися на берег морскими чудовищами. Когда же у них

48b. (Diod. III. 21. 6). Недалеко от них побережье населяют варвары, которые ведут иной образ жизни. Они питаются выбросившимися на берег морскими чудовищами. Иногда еды у них в избытке благодаря

⁵⁶ В издании Анри (Henry. Op. cit. P. 163) *κατασκευασμένας*; в издании Мюллера (GGM I, p. 139) *κατεστραμμένας*. Последнее, более осмысленное определение, взято в текст Фотия из сочинения Диодора Сицилийского.

⁵⁷ Перевод цит. по: Страбон. С. 715.

заканчивается пропитание (что случается часто), крупинками костей и окончечностями ребер восполняют недостаток, хоть и с трудом, таким образом утешаются.

Таковы вот роды ихтиофагов, о которых мы узнали все это; а есть тысячи, о которых мы ничего не знаем.

размерам добычи, которую они находят, иногда же, когда случаются перебои, они едва перебиваются из-за недостатка; в такие времена нужда их принуждает обходиться крупинками старых костей и отростками окончечностей ребер.

Вот столько имеется разновидностей ихтиофагов, и, если говорить обобщенно, такой разный у них образ жизни.

49. [Агафархид] говорит, что, в то время как наша жизнь состоит как из излишеств, так и из недостатков, упомянутые роды ихтиофагов ограничили себя во всем ненужном, в том, что необходимо, у них ни в чем нет недостатка, так как все они руководствуются в жизни божественным путем, а не помыслами лукавого искажения природы; так как они не стремятся к власти, они не знают злосчастного соперничества в спорах; из любви к излишнему они не делают многое для других и не сильно страдают от ненужного; не устраивая крупных ссор для причинения телесного вреда врагу, они переживают из-за несчастий близких; и не измеряют страдание ударами жизни, отправляясь в море, перенапрягая жизнь ради достижения прибыли⁵⁸, однако они нуждаются в малом и мало страдают, обладают достаточным и большего не ищут. Беспокоит же каждого не непознаваемое, так как его нет, но желаемое, когда оно опаздывает, в то время как желание подгоняет. Итак, имеющий все, что жаждет, счастлив по рассуждению природы, а не по рассуждению мысли. Законами же справедливость они не определяют; какой смысл поработаться приказам, если можно быть справедливым без письменных установлений?

50 Phot Müller = 50 Henry = 51a Burstein

50a. [Агафархид говорит,] что после ихтиофагов на реке Астабара, которая течет через Эфиопию и Ливию и которая, будучи значительно меньше Нила, соединяет свое русло с более мощным потоком и образует остров Мероз, омывая его со всех сторон, — по обоим берегам названной реки живет

50 Diod Müller = 51b Burstein

50b. (Diod. III. 23. 1–3)⁵⁹. В Эфиопии, лежащей выше Египта⁶⁰, вдоль реки, называемой Аса, живет народ ризофагов. В болотах⁶¹, лежащих неподалеку, варвары выкапывают корни тростника и тщательно их отмывают; очистив, размалывают их камнями, пока вся масса не станет гладкой

⁵⁸ Фразу οὐδὲ ναυτιλλόμενοι, κέρδους ἕνεκα τὸ ζῆν ὑπερτείναντες, προοπταίσμασι τοῦ βίου μετροῦσι τὴν λύπην все три переводчика трактуют так, что ихтиофаги не ходят в море и не измеряют страдание ударами судьбы, соотнося οὐδὲ как с ναυτιλλόμενοι, так и с μετροῦσι: „Sie fahren nicht zur See und überspannen das Leben nicht des Gewinnes wegen. Sie bemesse die Trauer nicht nach den Unglücksfällen des Lebens“ (Woelk. Op. cit. S. 37); «ils ne courent pas la mer à la poursuite du profit en abusant de leur vie en mesurent leur peines aux accidents de l'existence» (Henry. Op. cit. P. 164); “As they do not go to sea and risk their life for gain, they do not measure distress by the accidents of their life” (Burstein. Op. cit. P. 88). Как кажется, данные трактовки не передают в точности того, что хотел сказать Агафархид.

Действительно, οὐδὲ следует соотносить с μετροῦσι, однако действующими лицами при ναυτιλλόμενοι являются не ихтиофаги, а соотечественники Агафархида, бросившиеся за моря в погоню за прибылью (хотя ихтиофаги, конечно, на кораблях за прибылью не гонятся). Таким образом, Агафархид хотел сказать приблизительно следующее: ихтиофаги не измеряют жизнь ударами судьбы, как мы, гонящиеся за прибылью на кораблях... Ср. латинский перевод К. Мюллера, который никто из переводчиков не принял во внимание: “...nec navigando lucri gratia vitam intendentes adversis casibus aegritudinem metiuntur” (GGM I, p. 141).

⁵⁹ Первое предложение данного параграфа исключено из корпуса фрагментов работы Агафархида Книдского как принадлежащее самому Диодору Сицилийскому; см. выше, ВДИ. 2018. 78/2. С. 469. В переводе Берстейна (Burstein. Op. cit. P. 89) оно сохранено как принадлежащее самому Агафархиду.

⁶⁰ Оборот κατά γὰρ τὴν Αἰθιοπίαν Берстейн переводит следующим образом: “In that part of Aithiopia...” (Burstein. Op. cit. P. 89–90), как если бы какая-то часть Эфиопии могла лежать не выше (южнее), а ниже (севернее) Египта.

⁶¹ Как указывает издатель (Diodorus of Sicily. P. 148, n. 1), ἑλῶν является редакторской вставкой, сделанной в соответствии с текстом «Библиотеки» Фотия.

немногочисленный народ, ведущий следующий образ жизни. Они выкапывают корни тростника в прилегающих болотах, затем промывают начисто, рубят камнями на части и, сделав гладкую массу, лепят из нее липкие шарики, размером не более ладони; затем, поджарив на солнце, принимают это в пищу. Есть у них неизбежное зло: в болотах на них нападают львы. При восходе же Пса налетает невероятное множество мух, и такой у них напор, что люди уходят в болотистые заводи и прячутся там. Из-за них и львы покидают места обитания, но не из-за укусов, хотя переносить их тяжело, а из-за странного гулкого звука, который они не в состоянии переносить. Однако да будет сказано об этом ради [сообщения] об удивительном, ибо что может быть своеобразнее львов, отступающих под напором мух, и людей, ищущих спасения среди таких опасностей?

и липкой; затем, слепив шарики размером с ладонь, поджаривают их на солнце, и, используя их в пищу, так проводят всю жизнь. Хотя запасы этой еды у них нескончаемы и живут они друг с другом всегда в мире, на них охотится множество львов. Так как окружающий воздух раскален, львы выходят к ним из пустыни в поисках тени; они охотятся и на животных поменьше. По этой причине и получается так, что, если кто-то из эфиопов выходит из болот, их поедают эти звери; ибо невозможно противостоять силе львов, так как у них нет никакого спасения в виде оружия, и род их был бы совершенно истреблен, если бы природа не предоставила им спасение, срабатывающее само по себе. При восходе Пса, когда неожиданно наступает безветрие, в этих местах собирается множество мух, превосходящих силой известных нам, так что люди бегут в болотистые заводи и не испытывают страданий, все же львы убегают из этих мест, гонимые не только укусами, но и напуганные гулким звуком.

50c. (Strabo. XVI. 4. 8—9 = 51c Burstein). В этом промежутке впадает в море приток так называемой реки Астаборы. ...Мероэ — остров на Ниле вблизи этих мест. Над этим островом в недалеком расстоянии находится другой остров на реке. Около Мероэ — слияние Астаборы, Астапа, а также Астасобы с Нилом. Вдоль этих рек живут ризофаги и гелеи. Их называют так потому, что они выкапывают корни из соседнего болота, толкут камнями и делают лепешки, затем высушивают на солнце и употребляют в пищу. В этой местности водятся львы. Впрочем, при восходе Пса большие мухи изгоняют зверей из этих мест⁶².

50d. (Aelian. NA. XVII. 40). В Индии у реки Астаборы есть страна так называемых ризофагов. При восходе Сириуса появляется ужасающее облако мух, заполняющее воздушное пространство и причиняющее большое беспокойство. Эти существа, мухи, обитают возле озера, называемого Аорация (оно также расположено у индов рядом с упомянутой рекой).

51 Phot Müller = 51 Henry = 52a Burstein

51a. Говорит, что рядом с упомянутыми [народами] обитает род древоедов и семейедов, немногим от них отличающийся. Действительно, одни питаются плодами, падающими с деревьев летом; в остальное время они собирают траву, растущую в тенистых ущельях, твердую от природы и порождающую ствол, похожий на так называемую брякву. Другие же поедают нежные части деревьев. По ночам они спят в местах, надежно укрепленных и защищенных от тамошних животных, а вместе с солнцем все они с детьми и женщинами забираются на деревья, стремясь как можно быстрее

51 Diod Müller = 52b Burstein

51b. (Diod. III. 24. 1—4). Следом за ними идут древоеды и так называемые семейеды. Из них одни, собирая плоды, падающие летом в изобилии с деревьев, находят с легкостью пропитание, в остальное же время они питаются наиболее нежными частями растения, растущего в тенистых ущельях. Оно твердое от природы, а ствол у него похож на так называемую брякву; оно заполняет недостаток необходимого пропитания. Древоеды же, кочуя вместе с женщинами и детьми, залезают на деревья и поедают наиболее нежные части ветвей. Все они благодаря постоянной практике так забираются на

⁶² Перевод с изменениями цит. по: *Страбон*. С. 713.

добраться до самых верхних ветвей; там они отдирают наиболее нежные части древесины и с легкостью (их) поедают. Такую они развивают способность за всю жизнь, что движение представляет собой невероятное зрелище, не только рук, и пальцев, и ног, но и просто всего тела. Они с легкостью перескакивают с ветки на ветку. Часто они отнимают друг у друга ветки в самых шатких местах и такое показывают, что видящий это приходит в сильнейшее изумление, так что не решается рассказать об этом тем, кто этого не видел. Они перемалывают зубами все сочные побеги и с легкостью переваривают (их) в желудках; если же кто-то упадет сверху, удар получается несильным из-за (их) худобы. Все они наги, детьми и женщинами пользуются сообща, войны ведут друг с другом из-за территории; большая часть умирает, мучимые голодом, а к пятидесяти годам на глазах у них развивается глаукома.

51c. (Strabo. XVI. 4. 9 = 52c Burstein). Невдалеке живут также сперматофаги, которые в случае недостатка семян питаются орехами, готовя их так же, как ризофаги готовят корни.

52 Phot Müller = 52 Henry = 53a Burstein

52a. [Агафархид говорит,] что после упомянутых [народов] обитают называемые у местных жителей охотниками. Из-за обилия зверей, которых это место порождает в огромных количествах, они разбивают шатры на деревьях, охотятся на животных из засады и тем добывают себе пропитание. Они хорошо владеют луками. Если же охота не удастся, они удовлетворяют голод шкурами ранее убитых [животных], смачивают снятые шкуры, набрасывают на кучу горящих углей, поджаривают и делят между собой.

вершину ветвей, что в это трудно поверить: они перескакивают с дерева на дерево, подобно птицам, и забираются на самые тонкие ветви без опаски. Будучи худы телом и отличаясь легкостью, когда их ноги скользят, они крепко держатся руками; а если им случается упасть сверху, они не испытывают страданий благодаря малому весу. Они перемалывают зубами все сочные побеги и с легкостью переваривают (их) в желудках. Они постоянно живут без одежды; в согласии сообща пользуются женщинами, а народившихся детей растят совместно. Они ведут друг против друга войны за территории, вооруженные дубинами, и ими же защищаются от врагов, побежденных же расчлениют. Умирает же большинство из них, изнуренное голодом, когда из-за того, что глаза поражены глаукомой, тело лишено возможности использовать этот необходимый (орган) чувства.

52 Diod Müller = 53b Burstein

52b. (Diod. III. 25. 1–4). Страну, следующую за эфиопами, занимают немногочисленные охотники, ведущие образ жизни в соответствии с их названием. Так как страна полна диких зверей и совершенно бедна и в ней мало источников проточной воды, они спят на деревьях из страха перед зверями; утром же идут с оружием к местам слияния источников, прячутся в лесу и следят с деревьев. Когда же наступает жара, дикие быки и леопарды и множество других животных приходят на водопой. Из-за чрезмерной жары и жажды они жадно поглощают влагу, пока не напьются, а эфиопы, когда [животные] отяжелеют и потеряют подвижность, прыгивают с деревьев, используя дубинки, закаленные в огне, и камни, а также луки, легко их побеждают. Они охотятся сообща и поедают плоть своей добычи. Иногда более сильные животные их убивают, чаще же всего благодаря жизненной смекалке они одерживают верх. Если же им недостает животных для охоты, они смачивают шкуры ранее убитых зверей и кладут (их) на медленный огонь; когда они выжгут шерсть, то делят шкуру и едят; принуждаемые таким образом, удовлетворяют свои потребности. Мальчиков они

тренируют в стрельбе по мишени и дают еду только тем, кто попадает. По этой причине, когда они вырастают, то отличаются невероятной меткостью, наилучшим образом воспитуемые приступами голода.

52с. (Strab. XVI. 4. 9 = 53с Burstein). Местность эта называется Коракия. В глубине страны было некое место Эндера – поселение голых людей, которые вооружены луками из камыша и стрелами, закаленными на огне. Они стреляют в диких животных, главным образом, с деревьев, только иногда с земли. У них водится много диких быков; питаются они мясом этих и других диких животных. Когда охота бывает совершенно неудачной, они поджаривают на углях сухие кожи и довольствуются подобного рода пищей. По обычаю они устраивают состязания в стрельбе из лука для юношей⁶³.

(Продолжение следует)

⁶³ Перевод с изменениями цит. по: *Страбон*. С. 713–714.